

6 декабря прошлого года российское Послушание Древнего и Изначального Устава Мемфиса-Мицраима пополнилось новым Треугольником. Он получил отличительный титул «Нуит в садах Александрии». Составившие его Сестры и Братья сосредоточили свои усилия на изучении «масонского искусства и масонского в искусстве» — главным образом, в части литературы, театра, кинематографа, музыки, архитектуры, а также изобразительного искусства. 21 января этого года Мастер-Блюстителю нового Треугольника на первом его Собрании подробно рассказал о символизме его названия и тех мыслях и ассоциациях, которые основатели Треугольника связывают с его учреждением.

О СИМВОЛИЗМЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНОГО ТИТУЛА ДОСТОЙНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА №130 «НУИТ В САДАХ АЛЕКСАНДРИИ»

П.Г.

Думаю, каждый из вас при первом знакомстве с масонским символизмом, а многие даже и прежде, сталкиваясь в профанской жизни с тем или иным документом или памятником, хотя бы и невольно пытались проанализировать его символическую структуру. Что уж говорить о названии Масонской Ложи (или, как в нашем случае, Масонского Треугольника), с очевидной необходимостью несущий определенный смысл.

Как вы знаете, в России в нашем послушании сложилась определенная традиция называть новые Треугольники именами древнеегипетских божеств. Название нашего Треугольника — в рамках этой традиции — он назван в честь богини Нуит (или Нут). Однако мы, выражаясь образно, поместили Нуит в некоторый пейзаж для того, чтобы точнее указать на желаемое направление наших будущих работ.

Сперва о садах. Мы, конечно, имеем в виду не простое огородничество, хотя ряд средневековых алхимиков сравнивал Сухой путь Великого Делания с земледелием, видя в нем метафору универсальной трансмутации. Точнее, мы, безусловно, принимаем тождество макрокосма и микрокосма, однако хотим указать также и на другое. Устройство сада — дело не земледельца, а архитектора. В тоже время, такая работа близка и другому искусству — изобразительному — входящему в круг наших интересов в той же степени, что и архитектура.

Архитектор, замышляющий сад, пользуется теми же орудиями, что и при проектировании здания — полагаю, не имеет смысла рассматривать их как таковые. Результаты археологических раскопок говорят о том, что многие храмовые комплексы Древнего Египта были окружены садами. Представление о саде как продолжении здания сохранилось в Античности и Средних веках. В Новое время планирование сада было теоретически обосновано в трактатах по архитектуре, дошедших до нас в ряде случаев, к сожалению, лишь в незначительных отрывках. Впрочем, известно: терминология, использовавшаяся при проектировании сада, ничем не отличалась от терминов, в которых описывалось будущее устройство здания. Сады и создавались подобно зданиям, с анфиладой комнат, через которую проходил зритель, следуя заданным маршрутом, с коридорами и вестибюлями. Площадки назывались залами, комнатами и зелеными театрами. «Стены» выполняли посредством подстриженного кустарника, а «лестницы» — посредством воды. Такие сады получили название

регулярных. Их идея заключалась в упорядочивание естественного ландшафта в соответствии с законами геометрии, оптики и перспективы. Творчество создающего регулярный парк архитектора превращалось в сотворчество с Великим Архитектором Вселенной – преобразователем Природы.

Строитель Фонтенбло, сын лионского каменщика Филибер Делорм поместил самое известное свое творение среди регулярного парка. Прекрасный, созданный по всем правилам искусства сад окружал резиденцию императора Священной Римской Империи Рудольфа II. Надо полагать, в нем находили вдохновение приглашенные ко двору маги Эдвард Келли и Джон Ди, алхимик Михаэль Майер и астроном Тихо Браге, также искавший Философский Камень. Возможно, кто-либо из перечисленных принимал участие в создании и усовершенствовании парка, который, к несчастью, был полностью уничтожен во время Тридцатилетней войны. Судя по дошедшим до нас сведениям, создатели пражского сада вложили в парковые композиции определенные тайные смыслы. Знаки и символы, главным образом общегерметического и алхимического содержания, были выражены с помощью деревьев или парковых сооружений, фонтанов, садовых композиций, имевших ритуальное назначение — холмов, гротов, подземных рек и т.д. Конечно, сад Рудольфа II был не единственным.

Чуть более, чем столетие спустя, русским масонам в своих усадьбах удалось создать внушительные произведения садово-паркового искусства. Как известно, в XVIII — XIX вв. большинство русских дворян (а масоны из других сословий были тогда исключением из правил) если не жили в усадьбах постоянно, то, по крайней мере, проводили вне городов некоторую часть времени. Однако парки привлекали русских Вольных Каменщиков не только своей бытовой стороной. В масонских садах все строения и статуи оказывались соединены внутренней семантической связью. Все вы знаете, что масонское мировоззрение раскрывается перед членом Ордена постепенно, последовательно осмысливается в процессе развертывания перед ним церемоний различных градусов, сообщается посредством инструкций различных степеней. Каждый из нас впитывает мудрость масонства постепенно, будто бы совершая путешествие. Прогулка по парку — собственно, как раз небольшое путешествие — есть символическое выражение такого пути. Идущий видит только непосредственно открытое ему в настоящий момент и сохраняет в памяти увиденное прежде, возможно предугадывает ближайшее будущее, но совершенно точно не ведает того, что его ждет в конце посвятительного пути. Кроме того, сад можно уподобить райскому саду, в котором пребывал человек до своего падения. Соответственно, прогулку по парку можно рассматривать как путь реинтеграции.

Источник света – солнце — также много значит в эзотерической и, в частности, в масонской символике. Закономерно, что русский архитектор-палладианец, и, насколько нам известно, масон Н.А. Львов собирался выстроить в собственной усадьбе в Тверской губернии храм Солнцу: «Я всегда думал выстроить храм солнцу, не потому только, чтоб солнцу надписан был, но чтоб в лучшую часть лета солнце садилось или сходило в дом свой покоиться». Выход из тьмы к свету часто устраивался буквально в виде подземных ходов между господским домом и церковью. Следуя в церковь из дома подземным ходом, хозяин-масон выходил к Свету как бы

уже в иной храм, преображенный его собственным эзотерическим миропониманием. Так было, например, в Никольском-Черенчицах Львова (следы подземного хода от дома к церкви можно обнаружить и сейчас).

Кстати, ко времени творческого расцвета Н.А. Львова (он пришелся на самый конец XVIII в.) регулярные парки уже отошли в прошлое. Сам Львов создавал пейзажные или английские парки. В отличие от регулярного парка с лежащей в его основе идее упорядоченности, пейзажный парк предстал перед посетителем таким, каким его как будто создала природа, а человек лишь немногими усилиями приспособил для жизни. Английские парки нашли у русских Вольных Каменщиков, ведь для масона, ищущего свет истины, путь к ней был не менее важен, чем искомая цель. Собственно путь и представлял собой духовное совершенствование, а потому он непременно должен был быть тернистым и необычайно запутанным. Только пройдя его, обреталась мудрость.

Изначальная человеческая, сугубо профанная природа, которая требует постоянной работы и находит свое символическое выражение в масонстве как необработанный, иначе — дикий, камень, получила свое выражение и в усадебной архитектуре. (Кстати, здесь можно вновь вернуться и к самой концепции английского парка с лежащей в ее основе идее облагораживания дикой (здесь — человеческой) природы.) Русские масоны иногда достаточно буквально следовали метафорам, а потому дикий камень как строительный материал был весьма востребован. Особенно много его использовал уже упоминавшийся Н.А. Львов — достаточно вспомнить его монументальный каменный мост в усадьбе Василево или величественные каменные погреб-пирамиды на берегу Тверцы в усадьбе Митино и в его собственных Черенчицах, грот с беседкой-ротондой в Знаменском-Райке. Подземные или полуподземные залы-крипты из дикого камня, которые, возможно, служили для масонских собраний были и в некоторых других усадьбах — в подмосковных Горенках А.К. Разумовского, Николо-Архангельском Ю.В. Долгорукова, Кузьминках Голицына и т.д.

К сожалению, многие масонские усадьбы были разграблены и погибли в первые годы после Октябрьской революции. Ни одна из них не сохранилась вполне хорошо. Однако, как мы показали, парк может быть наполнен символикой не в меньшей степени, чем здание. Однако в парке привольней, здесь легче добиться уединенного размышления. Кроме того, ночью, находясь снаружи, можно, подняв голову, увидеть свет звезд.

Древнеегипетская богиня Нут была богиней звездного неба, ее тело которой изогнуто над землей, а пальцы рук и ног опираются на землю. Нут рождает солнечного младенца — Ра, — творящего потом богов и людей. Нут — одна из самых древних богинь, и она входит в Гелиопольскую девятку. Тексты Пирамид, несмотря на то, что господствующей космогонической концепцией в них является уже единоличное сотворение мира богом-творцом, все же хранят строки, прославляющие богиню Нут, некогда почитавшуюся величайшей матерью и самого солнца и всей вселенной:

Могуче сердце твое

О Великая, ставшая небом...

Наполняешь ты всякое место своею красотой.

Земля вся лежит пред тобою — ты охватила

ее, Окружила ты и землю, и вещи своими руками...

*Взяла ты к себе каждого бога с его ладьей,
Сделала ты их непреходящими, подобно светилам,
Не удаляются они от тебя, ибо они звезды...
Нут, ты сияешь, как царица Нижнего Египта,
И могуча ты над богами,
Души их — твои, и наследие их — твое,
Жертвы их — твои, и имущество их все — твое.*

Возможно, лучше всего **наши интересы — искусство в масонстве и масонское в искусстве** — символизировали бы Аполлон и музы. В древнеегипетском пантеоне отсутствует особый бог-покровитель искусств, но нам представляется, что ночь, которую олицетворяет Нуит — безусловно плодотворна для всего творческого. Ночью хорошо видны звезды и, в частности, хорошо известное египтянам созвездие Плеяды. Звезд в созвездии Плеяд — семь, и символизм этого числа хорошо знаком любому масону. «Плеяды» называлась группа из семи французских поэтов XVI в. во главе с Пьером де Ронсаром. Этим же именем называют семь поэтов александрийских, живших при дворе Птолемея II.

Поздняя, птолемеяевская Александрия представляется нам местом удивительного синтеза древнего и нового знания. В первые века нашей эры она была безусловной столицей гностицизма и иного раннехристианского мистицизма. Здесь жил Василид. Однако здесь находились два чуда света — библиотека и маяк. Оба они утрачены и напоминают нам об опасности нового варварства.

Кроме того, образ Александрии важен непосредственно для нашего Устава. «Александрия Египетская» — таков был отличительный титул ложи, основанной Робером Амбеленом в 1942 г. в Париже. Наши братья вели свои труды в величайшей опасности — деятельность масонских лож была запрещена во Франции, и если бы об «Александрии Египетской» стало известно полиции, египетских масонов не миновало бы наказание. Мы помним и о брате Константе Шевийоне, убитом вишистской полицией, и о Рауле Фрюктусе, умершем в депортации. Избранный нами отличительный титул несет эту память.

Александрия оставила несомненный след и в русской культуре рубежа XIX — XX вв., к ряду представителей которой мы питаем самую искреннюю симпатию. Особенно значительное место Александрия занимает в поэзии Михаила Кузмина. Мистик по своему сладу, испытывающий несомненный интерес к эзотерическому знанию, масонскому в частности, прекрасно эрудированный в этой области, Михаил Кузмин, помимо других прекрасных вещей, создал цикл стихотворений «Александрийские песни». Кузмин не был масоном, однако следующие строки могли бы быть одним из гимнов Вольного Каменничества:

*Что мы знаем?
Что нам знать?
О чем жалеть?
Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крепче за руки!
Звуки*

*звонкого систра
несутся, несутся,
в рощах томно они отдаются.
Мы знаем,
что все - превратно,
что уходит от нас безвозвратно.
Мы знаем,
что все — тленно
и лишь изменчивость неизменна.
Мы знаем,
что милое тело
дано для того, чтоб потом истлело.
Вот что мы знаем,
вот что мы любим,
за то, что хрупко,
трижды целуем!
Кружитесь, кружитесь:
держитесь крепче за руки.*

Воскрешая александрийские образы, он создал томительный образ города, трогающий сердца спустя многие столетия после того как, захваченная арабами, египетская Александрия навсегда изменила свой облик:

*Как песня матери
над колыбелью ребенка,
как горное эхо,
утром на пастуший рожок отозвавшееся,
как далекий прибой родного,
давно не виденного моря,
звучит мне имя твое
трижды блаженное:
Александрия!
Как прерывистый шепот
любовных под дубами признаний,
как таинственный шум
тенистых роц священных,
как тамбурин Кибелы великой,
подобный дальнему грому и голубей воркованью,
звучит мне имя твое трижды мудрое:
Александрия!
Как звук трубы перед боем,
клекот орлов над бездной,
шум крыльев летящей Ники,
звучит мне имя твое трижды великое:
Александрия!*

Все рассказанное сегодня рисует впечатляющую картину прекрасного, полного гармонии парка. Мы же сейчас, по существу, лишь приступаем к работе, имея лишь скромный сад и, надеюсь, способности и желание приложить усилия для его возделывания. И увеличить их мы можем, пригласив присоединиться к нашим трудам всех людей добрых нравов. Для них — в будущем, близком или

далеком, — а для наших Сестер и Братьев — уже сейчас мы и открываем эту калитку.